

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Кодификация гражданского права в Китае: контуры регионального правового порядка

Павел Николаевич ДУДИН

доктор исторических наук, доцент, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1, г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: dudin2pavel@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9407-8436

ЦИТИРОВАНИЕ: Дудин П.Н. (2022). Кодификация гражданского права в Китае: контуры регионального правового порядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 16. № 2. С. 253–281.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Статья поступила в редакцию 25.12.2021.
Исправленный текст представлен 15.02.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье принята попытка взглянуть на Гражданский кодекс КНР с позиций междисциплинарного подхода. Для этого работа разделена на три части. В первой приведен обзор англоязычной научной литературы, отражающей общее состояние гражданского права КНР, ход его последней кодификации и законодательный результат. Вторая часть посвящена содержательной составляющей Гражданского кодекса и концентрирует внимание на наиболее знаковых законодательных новациях. Так, прежде всего автор заостряет внимание на том факте, что это вторая систематизация гражданского права в Китае, совершая экскурс в историю принятия и изучения западными учеными Гражданского кодекса Китайской Республики 1929–1931 гг., действующего ныне в Тайване. Далее отмечается

стремление современного законодателя избавиться от так называемого советского наследства и, посредством заимствования лучших нормативов практик стран семьи континентального права, не утратить собственную специфику и сделать новый нормативный правовой акт максимально практичным, современным и эффективным. Дается прогноз влияния на экономическую сферу, а также развитие науки в регулируемых Кодексом общественных сферах. Подчеркивается важность закрепления «зеленого» принципа и претензии КНР на статус страны высокого уровня экологической ответственности. В третьей части рассматривается исторический опыт конструирования регионального правового порядка в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв., когда сначала Япония, а затем и империя Цин приступили к внедрению европей-

ского, преимущественно французского и немецкого, нормативного материала на фоне модернизации своей государственной системы. В заключении, подчеркивая важность и значимость Гражданского кодекса для страны и ее населения, автор высказывает сомнения относительно способности КНР в современных условиях сформировать обновленный региональный правовой порядок, без которого влияние этой страны на многие международные и глобальные процессы будет неполным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданский кодекс, гражданское право, гражданские правоотношения, кодификация, КНР, региональный правовой порядок, правовая система, правовые институты, «экспорт права», юридические новации.

Введение

Способность государства обеспечивать собственное процветание, правовой порядок и благополучие населения в современном мире характеризует его как ведущую державу в большей степени, чем способность успешного ведения военных операций. Ведь военная мощь, как показывает опыт США на Ближнем Востоке и в Южной Азии, еще не гарантирует ни стабильности, ни разделения преследуемых целей и заявляемых ценностей. И в то же время именно транслируемые ценности, на наш взгляд, их приемлемость как для собственного населения, так и для населения других стран, готовность к восприятию и имплементации в собственную культуру и менталитет – в числе главных идеологических инструментов.

Если посмотреть на политическую карту мира в его исторической ретроспективе, то можно убедиться в значимости права и формируемого с его помощью правового порядка для ряда регионов

Евразийского континента вне зависимости от расположения этих государств, по крайней мере, начиная с эпохи Средневековья. Сей факт позволяет нам вести речь о такой категории, как региональный правовой порядок, которая, с одной стороны, «вклинивается» в кельзеновскую бинарность международного и национального правового порядка [Kelsen, 1952, p. 250], а с другой стороны, дополняется оговоркой, сделанной Ж. Сселем о так называемой юридической реальности [Scelle, 1948, p. 101], которая представляет собой международный правовой порядок, находящийся «над известным числом государственных или союзно-государственных правовых порядков» [Василенко, 1988, с. 147], что в последнем случае и означает правовой порядок региональный. Мы же в своем исследовании будем опираться на позицию нашего соотечественника, ученого-юриста, специалиста по международному и морскому праву, члена Постоянной палаты третейского суда в Гааге М.И. Лазарева. Он не только рассматривал эту дефиницию в ракурсе принципа региональности, но и раскрывал суть этого принципа в качестве способности к управлению теми или иными процессами, урегулированными нормами права на региональном уровне, «в масштабах групп стран, больших районов» [Лазарев, 1983, с. 41], оговариваясь также и о соотношении глобального и регионального режимов как о «согласовании с общемировыми эталонами международного права ... правовых норм и законодательства уже не отдельного государства, а группы государств, связанных региональной общностью» [Лазарев, 1983, с. 143].

Учитывая историческую, экономическую, военную и геополитическую значимость современного Китая, вполне объясним интерес, проявляемый к внутренней политике этой страны. Поэтому после принятия (май

2020 г.) и вступления в силу (январь 2021 г.) нового Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (далее – ГК КНР) целесообразно оценить потенциальную и реальную степень влияния этого акта на правовые процессы как в границах Восточной Азии, так и в глобальном масштабе.

Исходя из этого, среди задач настоящей статьи: во-первых, выявить позицию представителей зарубежной научной общественности (преимущественно англоязычного сегмента) относительно кодификации гражданского права КНР; во-вторых, рассмотреть наиболее интересные новации и их возможные правовые и экономические последствия; в-третьих, опираясь на исторический опыт исследуемого региона, предпринять попытку обрисовать контуры для конструирования регионального правового порядка в Восточной Азии, уже имевшего место быть в прошлом и не исключенного в той или иной модели в будущем.

Осознавая факт того, что прошло относительно мало времени с момента принятия ГК КНР, причем не только для рефлексии со стороны международного научного сообщества, но даже для китайских граждан, мы постараемся в своих суждениях соблюсти деликатность и сосредоточить внимание на том, что поддается оценке на данном историческом этапе. Да и слишком уж разнообразен опыт регулирования гражданских отношений другими источниками права в этом и сопредельных государствах. Некоторые из них насчитывают не одну тысячу лет и зачастую действуют куда эффективней писаных законов: например отдельные правовые обычаи в области брачно-семейных отношений, до настоящего времени применяемые в правовой системе Гонконга, или судебная практика, успешно помогающая чиновникам разрешать сложные дела еще в V–IV вв. до н.э. [Цзоуяньшу..., 2013].

Вместе с тем подчеркнем, что руководство КНР в течение длительного периода времени готовило и мировое, и китайское общество к принятию Гражданского кодекса, придавая этому процессу, как, пожалуй, никакому другому в сфере правотворчества за последние несколько лет, максимально публичный характер. Для России значимость ГК КНР определяется тем, что в гражданско-правовые отношения вступают не только граждане Китая, юридические лица и публичные образования, но и наши имеющие связи с КНР сограждане, организации различных форм собственности и ведомственной принадлежности, а также органы государственной власти.

В российской науке, как юридической, так и синологической, до настоящего времени подобные комплексные исследования большого масштаба были инициативой группы ученых Института Дальнего Востока Российской академии наук под руководством известного юриста-синолога профессора Л.М. Гудошниковой [КНР..., 1984; Китайская Народная Республика..., 1989], тогда как предметные гражданско-правовые исследования осуществляли не менее известный ученый Е.Г. Пащенко [Гудошников, Пащенко, 1988; Пащенко, 1994; Пащенко, 1997] и ряд его коллег, исчерпывающие данные о которых приведены в работах другого известного исследователя П.В. Трощинского [Трощинский, 2018; Трощинский, 2020]. При этом, по нашему мнению, в отечественной науке до настоящего момента англоязычный сегмент исследователей процесса кодификации гражданского права в Китае отражен слабо, что является существенным упущением и лишает накопленные научные знания полноты и объективности. Добавим к этому, что немногочисленные диссертационные исследования даже на русском языке по этому вопросу [Лю Цзюнь Пин, 2011; Трофимов, 2006] в отдельных моментах устарели.

Относительно выборки самих китайских исследователей следует оговориться о том, что автор статьи сознательно исключил из своего внимания обширный блок работ на китайском языке: во-первых, он чрезвычайно объемный и требует значительных временных и иных ресурсных затрат для рефлексии; во-вторых, учитывая специфику публичных, в том числе научных, дискуссий в КНР, он оказывается не так богат мнениями; в-третьих, англоязычные тексты китайских авторов, по нашему мнению, сегодня могут сказать куда больше, чем кажется на первый взгляд, поскольку при всем разнообразии весьма дозированны, что позволяет характеризовать их как соответствующие официальной позиции руководства КНР.

Не повторяя наших отечественных коллег, уже давших свои оценки ГК КНР [Гражданский кодекс..., 2020; *Ербахаев*, 2019; *Ербахаев*, 2020], мы постараемся осуществить анализ его содержательных новаций и значения в качестве возможного инструмента обеспечения укрепления позиций Китая на международной арене, а также дать оценку общего влияния на правовую систему и региональный правопорядок с учетом западных исследований и с позиций междисциплинарного подхода, что отнюдь не свойственно представителям юридического сообщества, изучающим отраслевое право КНР и сосредотачивающим внимание сугубо на нормах.

Обзор англоязычной современной литературы о кодификации гражданского права КНР

В целом научной литературы, отражающей как общие вопросы кодификации, так и отдельные аспекты правового регулирования в области гражданских правоотношений на евро-

пейских языках, огромное количество. Мы постараемся сконцентрировать внимание на тех трудах, которые отличаются прогностическим характером своего изложения.

Первая группа работ посвящена гражданскому праву КНР, а также последним (с 1980-х гг.) попыткам его кодификации, в том числе с позиций сравнительного правоведения. Среди зарубежных ученых ведущее место принадлежит профессору Университета Вашингтона г. Сент-Луиса Уильяму К. Джонсу, работы которого дают представление о состоянии науки и законодательства (в том числе проектируемого) на этапе перехода Китая к рыночной экономике. Ученый осуществлял перевод и опубликование проекта Гражданского кодекса 1982 г. [Jones, 1984a], примечаний к нему [Jones, 1984b] и в аналогичном ключе – перевода [Jones, 1987a] и примечаний [Jones, 1987b] «Общих положений гражданского права КНР» 1986 г. Помимо этого, его перу принадлежит перевод подборки судебных дел по гражданским вопросам [Jones, 1984c], которые он не называет прецедентными (о чем отдельно делает оговорку), однако склоняется к их квазипрецедентной природе. И, наконец, безусловно, заслуживает внимания перевод одноименного фундаментального научно-образовательного издания [Basic Principles..., 1989], подготовленного в КНР накануне принятия «Общих положений гражданского права».

Связь современного китайского гражданского права и его отдельных институтов с традиционным имперским правом прослеживают несколько ученых [Lei Chen, 2010a; Yi Jiming, 2015], признающих, что развитие китайского гражданского права по сути представляет собой процесс интеграции китайских традиций и заимствованных иностранных правовых концепций,

характеризуя при этом «Общие положения гражданского права КНР» как «мини-версию Гражданского кодекса» [Chinese Civil Law, 2013, p. 1–2].

Вопросам сравнения опыта гражданской кодификации, а также европейских и китайских наиболее показательных правовых институтов (право собственности, договорное право, услуги, сделки, место публичных лиц в гражданских правоотношениях) и деликтов в отдельных сферах гражданских правоотношений (медицинская деятельность, морские перевозки и др.) посвящена монография «На пути к Гражданскому кодексу Китая: сравнительная и историческая перспектива» [Lei Chen, Rhee, 2012]. Интересна также коллективная работа, изданная в стенах Оксфордского университета, где признается невозможность слепого копирования даже самого эффективного зарубежного законодательства, будь то правовое регулирование вопросов прав собственности, корпоративных прав или интеллектуальной собственности [Law and Economics..., 2013].

В продолжение проблематики относительно института собственности «с китайской спецификой» может быть полезной статья известного ученого Лэй Чэна [Lei Chen, 2010b].

Вторая группа работ посвящена отдельным институтам гражданского права, включая и международное частное право с его местом в правовой системе КНР. Весьма обширный спектр научного материала посвящен институту деликтов и гражданско-правовой ответственности, среди которых интересна работа Джорджа У. Конка [Conk, 2005]. Смело называя «Общие принципы гражданского права КНР» кодексом и давая развернутую характеристику усовершенствования этого нормативного правового акта в исследуемой части, автор отмечает, что за-

конодатель не готов на обширную кодификацию. Проблемам деликтной ответственности и единообразия судебной практики посвящена работа [Wang Kui-Hua, Mendelson, 1996]. Уникальной в своей сфере является книга «Краткое изложение китайского законодательства о деликтах» [Jin Jigang, Li Xiang, 2014] – первая на европейском языке, столь подробно освещающая текущий нормативный материал, включая закон о деликтной ответственности КНР, а также обширный теоретический материал и подробные комментарии из практики.

Также в этом ряду находится труд профессора юридического факультета Китайского университета Жэньминь, принимавшего участие в начале 2000-х годов в рабочей группе Института права КАОН по подготовке очередного проекта ГК КНР, Чжан Синьбао «Законодательство о деликтной ответственности в Китае» [Zhang Xinbao, 2018a]. Поскольку эта книга вышла после завершения работы знаменательного своими законодательными и правоприменительными инициативами 4-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва, автор делает массу любопытных прогнозов, значительная часть из которых воплотилась в Разделе VII «Ответственность за нарушение прав» ГК КНР 2020 г., в разработке которого Чжан Синьбао принимал непосредственное участие.

Проблеме внедоговорной ответственности, проистекающей из ущерба, причиненного другому лицу, в ракурсе законодательства о гражданской ответственности в Китае, Бразилии и России посвящена работа профессора Герта Брюггемайера из Бременского университета. В ней автор предлагает собственное видение урегулирования данных аспектов, включая и типовый законопроект раздела VIII будущего ГК КНР [Brüggeмейер, 2011].

Знаковой в области изучения договорного права Китая является работа профессора Университета Темпл Мо Чжана, первое издание которой [Mo Zhang, 2006] можно отнести к новаторским в выбранной сфере, впервые изданным на английском языке. Второе издание в 2020 г. учло последние изменения в законодательстве и судебной практике.

С точки зрения практического преломления действующих на момент опубликования норм, часть из которых в той или иной мере сохранилась в обновленном гражданском законодательстве, определенного внимания заслуживает работа «Китайское гражданское право для бизнеса» [Zhang Xiaoyang, 2013]. Ее автор утверждает, что китайская правовая система помимо континентальной (немецкой) гражданско-правовой традиции также впитала в себя некоторые принципы общего права (особенно в отдельных областях делового оборота), чтобы соответствовать международной практике. В этом же русле анализа написана книга «Китайское договорное право: перспективы гражданского и общего права», выступающая продуктом уникального сотрудничества ученых материкового Китая и ученых, представляющих правовые традиции системы общего права [Chinese Contract Law..., 2017].

Еще одно издание в области правового регулирования бизнеса в Китае [Yu Danling, 2019] концентрирует на своих страницах не только нормативный материал и его квалифицированный комментарий относительно корпоративного права и законодательства об иностранных инвестициях и ценных бумагах, но и содержит прогнозы тенденций в гражданском законодательстве.

Любопытный прогноз и анализ современного авторов состояния про-

цесса кодификации в ракурсе текущего гражданского законодательства присутствует в сборнике докладов, представленных на II Тематической конференции Международной академии сравнительного правоведения, организованной в 2012 г. Для нашего исследования интерес представляют три кейса. Так, в главе 8 «Китай: изучение альтернативы Торгового кодекса в ходе гражданской кодификации» профессор Гонконгского университета Чжан Сяньчу связывает кодификацию с успехами экономических реформ в Китае и видит ее как необходимый атрибут правовой модернизации страны [Codification..., 2014, p. 105–120]. В главе 17 «Кодификация гражданского права в Китае: ее особенности, социальные функции и будущее» Хань Шиюань из университета Циньхуа утверждает, что кодификация является закономерным итогом унификации норм частного права в Восточной Азии, которая следует за глобализацией в соответствующих областях экономики региона [Codification..., 2014, p. 201–214]. В главе 19 «Комментарий в отношении международного частного права в Восточной Азии – с точки зрения китайского права» [Codification..., 2014, p. 215–232], авторами которой являются профессор Китайского университета политологии и права Хуан Цзинь и его коллега Хо Чжэнсинь, знаковыми являются два взаимосвязанных вывода о том, что до настоящего времени в регионе недооценивается значение этих норм как для национального законодательства, так и для международного сотрудничества, причем даже со стороны китайской юридической науки имеет место слабая изученность правоотношений в этой сфере в других странах Восточной Азии при наличии достаточного объема позитивного и полезного опыта, накопленного за по-

следние 50 лет. Также авторы сетуют на то, что имеющаяся в Китае нормативная база, по мнению законодателя, является достаточной и не нуждающейся в корректировке.

В этом же ракурсе в свете развития отдельных институтов в области международного частного права при переходе экономики и, соответственно, гражданского законодательства Китая на современные рельсы любопытны еще несколько работ. Полезным для понимания становления международного частного права в Китае являются работы Роберта Хойзера из Кёльнского университета, среди которых можно отметить предметные работы о внешнеторговых контрактах между западногерманскими компаниями и КНР и соответствующим законодательным обеспечением этого процесса внутри КНР [Heuser, 1977].

Китайский исследователь Чэн Юань, ученик известного британского специалиста в области советского права Уильяма Баттлера, в книге «Торговля между Востоком и Западом: изменение моделей в законодательстве и институтах внешней торговли Китая» [Cheng Yuan, 1991] предпринимает попытку отразить развитие современного ему законодательства КНР в отношении внешней торговли. Примечательной является рецензия на эту работу за авторством известного гарвардского ученого Уильяма Алфорда, в которой он сетует на отсутствие упоминаний о правовом регулировании отношений в области высоких технологий или инвестиций [Alford, 1992].

В свою очередь упоминаемый нами выше Уильям К. Джонс отзывается об этом труде как о поверхностном исследовании, называя его «справочником по формальным правовым вопросам внешней торговли» [Jones, 1993], мотивируя позицию наличием в нем лишь

нормативного материала без глубинного анализа. Однако же он гораздо более благосклонен в отношении похожего исследования за авторством профессора Университета Британской Колумбии Питмана Поттера под названием «Экономическое договорное право Китая: легитимация и автономия контрактов в КНР» [Potter, 1992], подчеркивая, что канадский ученый исчерпал все опубликованные и доступные источники по заявленному вопросу, включая даже судебную практику [Jones, 1993].

Небезынтересной с точки зрения международного частного права и его места в правовой системе современного Китая является книга профессора Университета Макао Ту Гуанцзяня «Международное частное право в Китае», в которой помимо генезиса науки международного права приводятся методы разрешения коллизионных вопросов в различных сферах, а также исследуется вопрос гражданского судебного разбирательства. Ученый справедливо отмечает, что «... унифицировать коллизионные нормы в Китае не проще, чем унифицировать нормы материального права» [Tu Guangjian, 2016, р. 14]. Оговариваясь о том, что «Общие положения гражданского законодательства КНР» имеют статус кодекса, Ту Гуанцзянь сомневался в скорейшей разработке «всеобъемлющего гражданского кодекса с включенной в него всеохватывающей системой коллизионных законов», называя этот процесс «чрезвычайно трудоемкой задачей» и объясняя причины этого малым опытом китайского законодателя в области международного частного права [Tu Guangjian 2016, р. 28].

Значительный интерес относительно института недвижимости, правового регулирования отдельных аспектов общественных отношений в этой сфере, а также смежных институтов

как на современном автору историческом этапе, так и с отсылкой к истории и в ракурсе сравнительного правоведения вызывает работа представителя Института права КАОН Лян Хуэй-сина «Некоторые мнения и предложения по проекту закона о недвижимости» [Liang Huixing, 2007].

Дальновидный прогноз необходимости комбинирования в использовании медиативных (внесудебных) и судебных процедур высказывает представитель факультета политики и права Северо-Китайского университета электроэнергетики Мяо Чунган [Miao Chungang, 2018].

Наконец, **третья, самая немногочисленная по количеству опубликованного материала, группа работ**, предметное поле которых сконцентрировано на самом ГК КНР и его новациях, представлена новым поколением юристов – специалистов в области китайского права: доцентом Школы права Сычуаньского университета Чжу Ваном, чье масштабное исследование сосредоточено на конституционности составления ГК КНР [Zhu Wang, 2020]; польским исследователем из Ягеллонского университета Игорем Шпотакоским, серия работ которого посвящена последним событиям кодификации гражданского права в Китае (на английском – [Szpotakowski 2020]); и отечественными учеными П.В. Трощинским и А.П. Алексеенко, о которых мы скажем ниже.

Отметим, что приведенные работы не исчерпывают собой научное знание о китайском гражданском праве и его кодификации, но отражают его наиболее интересные стороны на современном этапе.

Содержательный анализ новаций Гражданского кодекса КНР

Любая систематизация законодательства, тем более кодификация как наиболее совершенная ее форма, тем более такой объемной отрасли права, как гражданское, тем более в таком крупном и сложном с точки зрения организации общественных отношений государстве, как Китай, требует не только высокой степени профессионализма среди исполнителей этого процесса. Важное значение имеет наличие политической воли, которую руководство страны демонстрировало всякий раз, представляя результаты этой деятельности в XX – начале XXI в. Не случайно вслед за вступлением в силу ГК КНР в январе 2021 г. китайский лидер Си Цзиньпин в феврале того же года делает заявление о победе над бедностью¹. Понимание подобных факторов позволяет нам утверждать, что Гражданский кодекс для этой страны – не только победа на юридическом поле, неоднородном и весьма противоречивом, но и возможная заявка на более знаковое региональное присутствие и влияние, еще четыре десятилетия назад вести речь о котором было невозможно. Для подтверждения этих слов следует привести точку зрения Уильяма К. Джонса, содержащуюся в рецензии на сборник трудов, посвященных правовой традиции Китая: «Сегодня, как и в традиционном Китае, закон рассматривается в первую очередь как средство поддержания государства, а не как средство защиты прав граждан» [Jones, 1982].

¹ Си Цзиньпин объявил о полной победе над крайней нищетой в Китае // РИА новости. – 2021. – 25 февраля. – URL: <https://ria.ru/20210225/nischeta-1598862507.html/> (дата обращения: 25.12.2021).

Некоторые современные исследователи [Lei Chen, 2007; Zhang Lihong, 2009] поспешно, без уточнения, называют ГК КНР 2020 г. первым в истории страны, либо же оговариваются о том, что хоть в 1929–1931 гг. и осуществлялась кодификация республиканского гражданского законодательства, но она не имела существенного значения, что, по нашему мнению, является заблуждением. Именно в республиканский период, когда фактически распавшаяся страна была ненадолго объединена под эгидой партии Гоминьдан и властью Чан Кайши, этой политической силе и ее лидеру удалось добиться первой кодификации.

К сожалению, англоязычная источниковая база и научный фонд не богаты материалом в этом направлении: среди наиболее интересных работ следует отметить два перевода некоторых частей Кодекса на английский язык. Первый перевод в отношении Книги 1 (раздела) был организован в 1929 г. членами Шанхайской коллегии адвокатов Ся Чинлином и Джеймсом Чоу. На него в 1930 г. дает пространную рецензию известный американский судья, специалист по китайскому праву Чарльз Саммер Лобинджер [Lobingier, 1930]. Критикуя французскую модель вычленения из гражданского права торгового и приветствуя китайского законодателя за его стремление к немецкой модели единения гражданских и торговых норм в сводном кодифицированном акте, автор озвучивает радость представителей европейских держав, уверенных в законодательной защите их интересов. Однако тут же задается вопросом: переработав массу нормативного материала, как европейского, так и азиатских государств, таких как Япония, Сиам и Турция, что же в итоге получит на выходе своей законотворческой работы китайский парламент:

свод гражданских обычаев или компиляцию пусть и лучших, но чуждых этой стране норм? К сожалению, для материкового Китая суть кодификации свелась именно к калькированию. Второй перевод, с дополнением 2-й и 3-й Книг (разделов) Кодекса, был сделан в 1930 г. [The Civil Code..., 1930]. Последовавшие затем военные действия с Японией, Вторая мировая и гражданская войны с коммунистами помешали более широкому научному изучению этого важного нормативного правового акта и переводу двух оставшихся Книг. Однако отметим, что на данном историческом этапе выбранный способ систематизации чрезвычайно громоздкого законодательства вкупе с применяемой судами на основе принципов прецедентного права судебной практикой явился и жизненной необходимостью, и демонстрацией высшей политической воли.

На наш взгляд, похожая ситуация, менее драматичная во внутренней и внешней политике Китая, но не менее напряженная для политического истеблишмента на фоне экономического и геостратегического противостояния с Западом (в широком смысле слова) наблюдается и сегодня, поэтому принятие ГК КНР – важный этап для руководства страны и лично председателя КНР Си Цзиньпина именно в трех сферах: правовой, экономической и геополитической.

Прежде чем вести речь о правовой составляющей ГК КНР, обратимся к работам наших соотечественников – крупных исследователей китайского права П.В. Трощинского из Института Дальнего Востока РАН [Трощинский, 2021a, 2021b, 2021c] и А.П. Алексеенко из Санкт-Петербургского государственного университета [Алексеенко, 2021]. Не дублируя их выводов и прогнозов, сосредоточимся на кажу-

щихся нам важными юридических аспектах гражданской кодификации и ее последствиях. Во-первых, руководство КНР стремится, и весьма успешно, к унификации правового пространства и правового регулирования в одной из самых «пестрых» с точки зрения разнообразия общественных отношений сфер. Таким образом, Китай подошел в полной готовности к тому, чтобы, с одной стороны, декодифицировать многочисленные области правоотношений, регулируемых до этого отраслевым законодательством, а с другой – предоставить своим гражданам эффективную целостную альтернативу.

Во-вторых, современный Китай, активно избавляясь от «советского наследства» в сфере права, уверенно переходит с платформы социалистического права на платформу континентального права с его весьма либеральными позициями относительно институтов собственности, сделок и договоров, обязательств и деликтов и т.д., хотя и с известными оговорками и сохранением некоторых социалистических пережитков. Поэтому здесь можно смело сказать, что принятие Гражданского кодекса есть юридическое признание наличия в стране рыночной экономики, пусть и с китайской спецификой.

В-третьих, столь позднее принятие Гражданского кодекса позволило китайскому законодателю изучить позитивный и негативный опыт нормативного регулирования в других странах, заимствовавших континентальную нормативную базу для интеграции в собственное национальное правовое пространство. Помимо этого, были созданы необходимые условия для правоприменительной системы, требующей серьезной подготовки к переходу на унифицированные правовые рельсы и наработку судебной и административной практики.

В-четвертых, очевидно, был учтен опыт предыдущей кодификации 1929–1931 гг., когда на фоне прочих заимствований нормативной базы у стран романо-германской правовой семьи, при слепом копировании юридических конструкций без учета национальной специфики, цивилизационных особенностей и обычаев, складывавшихся веками, был получен обратный от ожидаемого эффект и вместо правопорядка в законодательной и правоприменительной гражданской сфере страна погрузилась в еще больший хаос и неразбериху. Поэтому, очевидно, в русле сохранения прежних устоев, новый Гражданский кодекс следует сложившейся еще в имперской правовой традиции практике отсутствия наименования статей [Zhang Xinbao, 2018b], со всеми вытекающими из этого трудностями.

В-пятых, исходя из предыдущего тезиса, поскольку механический перенос чужих, пусть и весьма эффективных, правовых норм оказался в ряде случаев ошибочным, а в ряде случаев – губительным для отдельных отраслей экономики (свобода рынка в гоминьдановский период, как мы помним, не привела к формированию среднего класса, а лишь сделала богатых еще более богатыми, а бедных – еще более бедными), практическая применимость норм нового Гражданского кодекса в русле проводимых крупномасштабных социальных и экономических реформ также была одной из задач, стоявших перед законодателем.

В-шестых, принятие ГК КНР можно смело обозначить как результат и собственного «метода проб и ошибок» социалистического периода развития китайской государственности и права. В этом ракурсе мы не стали бы вести речь о бесполезности предыдущих попыток кодификации, поскольку

ку, как полагаем, в ходе этих процессов имели место быть не только политическая борьба и противостояние тех или иных сил в руководстве страны, на что обращают внимание отдельные ученые (в 1950–1960-е и 1980-е гг.) [Гражданский кодекс..., 2020, с. 16]. На наш взгляд, шла «борьба умов и идей», противостояние старой и новой научных элит, победу в которой, как и в конце 1980-х годов в борьбе за социально-экономическую стратегию развития страны, одержало прогрессивное крыло юристов – ученых и практиков, несущих своих идеалы в образовательную среду. Поэтому в ближайшее время можно ожидать существенных сдвигов в правосознании китайской молодежи в сторону либерализации взглядов, по крайней мере, той ее части, которая получает юридическое образование.

В-седьмых, следует отдать должное смелости китайского законодателя, который не только оказался способен к правовым новациям, но и к частичному выводу отдельных общественных сфер из прямого государственного влияния, чему примером может служить введение медиативных инструментов урегулирования семейных разногласий, реализованное в статье 1079 ГК КНР. Сущность этой новации европейскому ученому не кажется уникальной, но напрасно: семейное право в традиционном китайском обществе всегда было частью квазиотрасли фискального права под бдительным и суровым надзором государства.

Принятие ГК КНР отражается и на экономической сфере, менее дифференцированной по своим направлениям и результатам и менее разнообразной, но не менее важной. Так, можно смело утверждать о законодательном закреплении пусть и остающихся в значительной мере под контролем государства, но все же рыночных отно-

шений «с китайской спецификой». При этом нельзя не согласиться с утверждением Десси Тилахуном Аялевым из пекинского Университета международного бизнеса и экономики о том, что включением в новый ГК КНР отдельных позиций о регулировании ряда экономических отношений с использованием современных средств передачи и обработки информации (например, статья 512 о принципах электронной торговли) Китай обозначил его как «Кодекс эры высоких технологий» [Ayalew, 2020, p. 11], а себя – как державу высоких технологий. Здесь же ученый оговаривается о регулировании медицинских исследований и их ограничениях в ракурсе защиты жизни и обеспечения достоинства личности, а также о концепции «нулевой конфиденциальности» [Ayalew, 2020, p. 15–16] в ракурсе концентрации значительной части личных данных граждан КНР в виртуальном пространстве, что требовало особого регулирования и особой правовой защиты (пример тому – статья 1019 о защите персональных данных от посягательств с помощью информационных технологий).

Заслуживает внимания «зеленый» [Zwierzchowski, 2021], или «экологический», принцип осуществления гражданско-правовых действий, закрепленный в статье 9 ГК КНР. И если на поверхности он кажется попыткой законодателя таким способом лишний раз обратить внимание как политических элит, так и физических и юридических лиц различной формы собственности на проблему экологии, остро стоящую перед Китаем и его руководством уже не один десяток лет, то при более глубоком анализе потенциальных последствий его закрепления на столь высоком уровне вырисовывается более обстоятельная картина. При рациональном управлении природными ресурса-

ми национальная экономика получает практически неограниченный потенциал в своем развитии. С одной стороны, это касается импорта и экспорта природных ресурсов и их более рационального использования [Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang, 2019, p. 6]. С другой стороны, при исчерпаемости невозобновляемых энергетических ресурсов Китай уже сейчас переводит значительную часть энергоемких объектов на обеспечение возобновляемыми источниками там, где до недавнего времени это казалось невозможным (например, автор статьи при научной экспедиции в Тибет в 2019 г. мог наблюдать обширные горные пространства, приспособляемые под ветряные мельницы). Подобная политика ведет к разработке и внедрению новых технологий в тех местах, которые считались экономически менее перспективными, что, в свою очередь, может обеспечить существенное развитие науки и образования в заданных сферах.

Законодательное закрепление «зеленого» принципа вкупе с упоминаемым в статье 110 правом на здоровье создает условия для усиления государственных мер по поддержанию здоровья своих граждан, что, в свою очередь, также положительно влияет на экономический потенциал страны. А поскольку обеспечение и исполнение всего вышеперечисленного требует значительных государственных усилий, это ведет к совершенствованию работы государственного аппарата с профессионализацией уполномоченных государственных органов [Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang, 2019, p. 7], включая суды, разбирающие гражданско-правовые споры в области экологических отношений. Подобный уникальный опыт у Китая был в начале 2000-х годов, когда в провинциях Цзянсу, Юньнань и Гуйчжоу были созданы экологические суды для разбира-

тельства экологических вопросов, несмотря на отсутствие законодательной базы [Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang, 2019, p. 10]. Учитывая традиционно высокую роль так называемого подзаконного нормотворчества в Китае, следует ожидать совершенствования подзаконной административной базы и судебной практики, что также оказывает положительное влияние на социально-экономическую сферу. А при успешной реализации обозначенных выше возможностей Китай, очевидно, не упустит шанса заявить о себе как страна высокого уровня экологической ответственности. Тем более что еще в 2015 г. ЦК КПК и Государственный совет последовательно приняли ряд документов «об ускорении формирования экологической цивилизации».

И здесь мы можем перейти к обозначенному во вводной части нашей статьи вопросу относительно категории регионального правопорядка вообще и в преломлении этой дефиниции на Восточно-Азиатский регион и место в нем КНР.

Контуры регионального правопорядка в Восточной Азии: исторический опыт и современные перспективы

Прежде всего, попробуем разобраться с тем, как и почему в новой и новейшей истории традиционный правопорядок в Восточной Азии и ее крупнейших империях, складывающийся веками, с одной стороны, претерпел грандиозную трансформацию и был преобразован под привычные современному западному обществу правовые институты, а с другой стороны, каким образом государства региона, в частности Китай, сумели сохранить традиционность своих устоев и историческую

преемственность социальной, политической и правовой организации.

Сразу подчеркнем, что профессор М.Н. Лазарев не был одиноким в своей трактовке регионального правопорядка: советская, а позднее российская, равно как и западная юридическая наука в целом, выработала универсальную дефиницию, дополняемую различными авторами в зависимости от обстоятельств, исходя из чего нам следует выделить два наиболее эффективных, на наш взгляд, способа установления и обеспечения регионального правопорядка.

Первый – централизованный (или формально-юридический) – предполагает целенаправленную политику государств в пределах того или иного географического или экономического пространства, при которой посредством заключения международного соглашения формируется сообщество государств, устанавливающих систему норм наднационального права, соблюдение которых обеспечивается едиными юрисдикционными органами и гарантируется равноправием членов этого сообщества. Такой подход нашел отражение в работе крупных специалистов в области международного права из ГДР Моники Хиршлер и Болеслава Циммермана, где речь шла о так называемом автономном правопорядке, «который не носит ни международно-правового, ни обычного государственного или федеративного характера» [Хиршлер, Циммерман, 1987, с. 78–79]. В связи с этим важным является довод главного научного сотрудника Института государства и права РАН Ю.М. Юмашева: «Суд Сообществ констатировал, что ЕЭС по своей природе не что иное, как новый правопорядок, который действует как в отношении государств-членов, так и их граждан, наделяя их непосредственно пра-

вами и обязанностями» [Юмашев, 1989, с. 13]. Отказываясь назвать ЕЭС наднациональной организацией, он подчеркивал, что именно Римский договор 1957 г. создал для членов ЕЭС «собственный правопорядок, интегрированный в правовые системы государств-членов с момента его вступления в силу и признанный их юрисдикциями» [Юмашев, 1989, с. 233], что отличало его от уже утвердившихся в правовой доктрине того времени международного и национального правопорядков. В аналогичной парадигме формировался и устанавливался правопорядок в рамках Совета Европы. Таким образом, уместно вести речь о многообразии европейских правопорядков, которые профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Е.А. Суханов обозначает как «континентально-европейские правопорядки» [Суханов, 2019, с. 544].

Второй, децентрализованный, способ целесообразно определить как институциональный, поскольку в его основе – не формальная организация и коллективное решение по установлению правовых норм и, как следствие, правопорядка, а процесс так называемого экспорта права, при котором одно государство транслирует в адрес другого выработанную им систему правовых институтов, представленную как ценность, знаковое достижение своей цивилизации. При этом важным для понимания сути данного состояния является не сам правопорядок как таковой, а способность с его помощью достигать стабильности в определенных сферах общественных отношений и решать те проблемы, которые возникают перед государством как во внутренней политике, так и на международной арене. Таким образом, порядок обеспечивается отсутствием беспорядка.

Эта способность называется институциональной эффективностью. С. Хан-

тингтон под эффективностью понимал способность обеспечивать порядок, то есть создавать такие институты, которые способны управлять [Хантингтон, 2004, с. 28]. Выдающийся американский юрист, крупнейший исследователь традиционного японского права Д.Г. Вигмор пишет о том, что британцам удалось совместить привнесенные ими правовые процессуальные институты с нормами обычного права и религиозными правовыми догматами в области землевладения, наследования, торговых и семейных отношений и т.п. [Wigmore, 1928, р. 272]. За два века до этого, развивая свою мысль ученый, выдающиеся британские юристы (такие как судья Уильям Мюррей, лорд Мансфилд) в связи с развитием предпринимательства и освоением новых колоний сначала придали торговому праву своей страны космополитический характер, а затем за дело взялись интеллектуалы и протееже Мансфилда (профессор Уильям Блэкстоун в 1753 г. впервые выпустил курс лекций по английскому праву, распространив его по всему земному шару) [Wigmore, 1928, р. 1094]. К началу XX в. британское право и британский правовой порядок функционировали на всех континентах, включая Азию, а в ней – Гонконг и британские концессии, селтльменты и арендные территории на восточном побережье империи Цин. Британская система, утвердившись в США, через американское право в начале XX в. оказала влияние на модификацию права и трансформацию правового порядка на Филиппинах, которые были в 1898–1946 гг. американским владением, а после окончания Второй мировой войны – на правовую систему и правовой порядок Японии и Южной Кореи.

Наша страна оказала не менее масштабное влияние: с формированием советской государственности в теорию вошла категория совет-

ского [Ребане, 1966] или социалистического [Кузнецов, 1980] правового порядка, утвердившегося на практике в 1940–1960-е годы в странах Восточной Европы, Азии, Африки, Южной и Латинской Америки, включая и КНР. Профессор ВШЭ И.А. Емелькина, ведя речь об отдельных институтах «континентальных правовых порядков», отмечает ведущую роль Германского гражданского уложения, которое выступило «в качестве образца для многих европейских правовых порядков» на рубеже XIX–XX вв., а затем упоминает о законодательстве стран Восточной Европы на фоне распада СССР, «отказавшихся от социалистических правовых порядков (Хорватии, Македонии, Сербии, Словении), а также ряда бывших советских республик (Эстонии, Латвии, Грузии, Украины, Туркменистана, Молдовы)» [Емелькина, 2010, с. 27–28] на рубеже 80–90-х годов уже в XX столетии. Справедливости ради стоит упомянуть о том, что именно в этот период руководство КНР начинает масштабную модернизацию как экономики, так и правовой системы.

Небезынтересным является взгляд на Восточную Азию и Китай в ракурсе концепции экономического регионализма, в русле которой профессор МГИМО Д.К. Лабин ведет речь о современном региональном экономическом правовом порядке, называя региональные сообщества «отдельными группировками государств», конструируя правовые модели экономического регионализма, где среди прочих упоминается и китайская [Лабин, 2005, с. 32–33], а также выделяя пять центров экономической силы, в числе которых – «3) Япония с регионом Юго-Восточной Азии; 4) самостоятельная зона Китая» [Лабин, 2005, с. 12]. Именно на модернизации права этих двух стран на рубеже XIX–XX вв. нам и следует остановить-

ся более подробно, поскольку именно Китай и Япония являют собой опыт конструирования регионального порядка с традиционной спецификой, которую им удалось сохранить в своих правовых системах и поныне, несмотря на заимствования.

Напомним, что Франция и Германия, хоть и обеспечивали свое присутствие в Китае в виде немногочисленных концессий и арендных территорий, не имели такого масштаба и влияния, как Великобритания и США. Но французское и немецкое наследие оказалось куда более живучим. На наш взгляд, этому во многом способствовали и гибкость правовых конструкций, и гибкость политических элит Японии, Кореи и империи Цин, которые на рубеже XIX–XX вв., осозная необходимость модернизации, внедряли в свой правовой порядок европейские институты. Сразу отметим, что ни Япония, ни Корея, ни императорский Китай не подвергались европейской колонизации, в связи с чем имели относительную свободу в выборе механизмов обновления своего правового порядка, что и осуществили, модернизировав право, правоприменительную и в целом государственную систему, правда, с разной степенью успешности и долговечности.

Достижения и той, и другой модели в области гражданского права, с различными подходами к различным общественным отношениям, но с признаваемой эффективностью в их упорядочении создали то, что можно назвать конкуренцией правовых порядков: юристы и государственные деятели сначала Японии, а затем и империи Цин последовательно изучали, модернизировали и внедряли те или иные французско-немецкие правовые конструкции вплоть до середины XX в.

Что касается китайского права и имперского правового порядка, то на про-

тяжении всей своей истории они демонстрировали институциональную эффективность и оказывали определяющее влияние на соседние государства в их политической организации и правовом развитии. Документальное подтверждение этому можно засвидетельствовать на примере кодификации династии Тан (627–907 гг.) «Тан люй шу и» [Уголовные..., 1999], ставшей в начале VIII в. основной для аналогичного процесса в Японии, по результатам чего на свет появился «Кодекс Тайхо» со схожими правовыми конструкциями [Свод..., 1985, с. 3–4].

Конфуцианские принципы и китайское имперское законодательство оказали существенное влияние и на корейское право, включая схожие подходы к системе наказаний и судебной медицине [Karlsson, 2013, р. 15, 31], аналогично с китайской выстраивалась и система правосудия [Покотилов, 1895, с. 29].

Танский и Минский кодексы оказали влияние и на право Дайвьета в XV в., когда при императоре Ли Тхань Тонге в 1474–1483 гг. была проведена объемная систематизация, закончившаяся принятием законодательного свода в составе 722 статей, разделенных на 6 книг (разделов) и 16 глав, из которых около 200 статутах были заимствованы непосредственно из «Тан люй шу и», около 20 – из «Да Мин люй», а остальные явились модифицированным традиционным вьетнамским правом. Примером влияния Цинской империи на Аннам (Вьетнам) является рецепция «Дай Цин люй ли» южным вассалом, что в полной мере обрисовал и прокомментировал известный французский исследователь П.Л.Ф. Филастр [Philastre, 1909].

О влиянии китайского права и правового порядка на монгольскую государственность в составе империи Цин ин-

тереснейшую работу написал выдающийся представитель русской юридической эмиграции в Харбине Г.К. Гинс [Гинс, 1932, с. 29–33], отмечая большую суровость цинского права по отношению к монгольскому при отсутствии стремления к преобразованию правовой культуры Монголии.

Очередное взаимопроникновение правовых институтов происходит в начале XX в., когда после восстания ихэтуаней цинское правительство приступило к поступательной реформе всего государственного аппарата и права. Так же, как и Японией, цинским правительством в Европу и США были направлены делегации для изучения ситуации, по возвращении которых обладали французско-немецкие предпочтения в модернизации имперского правового порядка, однако с заметным японским влиянием. Так, для реформирования уголовно-правовой сферы был приглашен выдающийся японский юрист Асатаро Окада, получивший образование во Франции и Германии. Именно благодаря ему был разработан первый китайский Уголовный кодекс, который так и не увидел свет в имперский период. Удивительно, но, несмотря на то что в Китае колоссальной работой по пересмотру законодательства воспользоваться в полной мере так и не получилось из-за Синьхайской революции 1911–1912 гг., многие идеи и положения были учтены японскими законодателями в последующие периоды развития права и правового порядка своей страны. В самом же Китае после доработки Уголовного кодекса в 1912 г. был утвержден республиканскими властями и действовал до 1928 г., а в 1921 г. это случилось в отношении Гражданско-процессуального кодекса и других важных законов. Систематизация частноправовых норм затянулась и проводилась уже без японского участия, что

сказалось и на структуре Гражданского кодекса 1929–1931 гг., и на его содержании [Дудин, 2020]. К сожалению, в полной мере обновить правовой порядок в республиканском Китае помешали внутренние смуты и военные действия с Японией.

В послевоенной Восточной Азии проигравшая войну Япония и оправлявшийся после ее агрессии и гражданской войны Китай формировать региональный правовой порядок были не в состоянии. Наоборот, эти государства стали объектом воздействия со стороны США и СССР на несколько десятилетий вперед. Но сегодня у Китая вновь есть шанс возобновить влияние на ситуацию не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Однако что сегодня из себя представляет регион с точки зрения права и правового порядка?

Не вдаваясь в детали, подчеркнем, что вряд ли у кого-то вызывает сомнения факт несостоятельности формально-юридической модели построения правового порядка в Восточной Азии, поскольку подписание международных соглашений и учреждение Азиатского суда по правам человека и иных наднациональных органов с участием КНР на сегодняшний день невозможны.

Поэтому на повестке дня – институционализация посредством «экспорта права», которая тоже внушает серьезные сомнения. Так, еще полтора десятилетия назад эксперты сходились во мнении, что руководство Вьетнама, осознавая существенную зависимость от экономики Китая, предпримет необходимые шаги для нивелирования этой ситуации, а в отношении правового порядка «вьетнамские лидеры обращаются к другим моделям, чтобы избежать повторения ошибок Китая» [Gillespie, Chen, 2011]. Несмотря на то, что отдельные авторы настроены позитивно в отношении роли права в модернизации

Китай как примера для Вьетнама [Вуй, 2017], вопрос ставшей традиционной зависимости этой страны от северного соседа в современную эпоху дает мало надежд на готовность к интеграции на диктуемых КНР условиях в новый региональный правовой порядок.

В аналогичной ситуации на протяжении всей своей истории находились государства Корейского полуострова. Попытка модернизации страны и ее правового порядка была прервана включением страны в состав Японской империи, а после окончания Второй мировой войны разделение полуострова на два государства предопределило и структуру правового порядка. Сегодня правовая система Республики Корея представляет собой сочетание европейской системы частного и англо-американской системы публичного права, развиваясь эффективно и не предполагая какого-либо заимствования из правовых систем своих соседей.

Монголия, чья экономика в социалистический период на 80% зависела от экономики СССР, а сегодня – в таком же объеме от экономики КНР, активно использует концепцию «третьего соседа» [Лузянин, 2021] для минимизации этой зависимости и вряд ли готова заимствовать нормы, институты или механизмы китайского права в свою правовую систему. Не станет этого делать и Россия. Японско-китайские противоречия, камнем преткновения в которых выступает наследие двух войн 1930–1940-х годов, вряд ли в обозримой перспективе позволят вести речь об эффективном правовом взаимодействии, а только лишь с КНДР конструировать региональный правовой порядок невозможно.

Поэтому одним из вариантов «экспорта китайского права» становится африканский континент, где КНР уверенно занимает место бывшего Со-

ветского Союза и с идеологической, и с экономической позиций. Однако, несмотря на гипотетическую возможность подобных сценариев для отдельных стран [Ayalew, 2020, р. 24–30], основной массив государств уже давно сформировал свои правовые системы и национальный правовой порядок с опорой на модели своих бывших колонизаторов и вряд ли готов к кардинальному их пересмотру.

Выводы

Принятие Гражданского кодекса КНР стало без преувеличения важным событием не только для этой страны, но и для международного научного сообщества, а также тех, кто в своей деятельности так или иначе вступает в гражданские правоотношения, регламентируемые китайским законодательством. И обширные научные исследования в англоязычном сегменте являются тому ярким свидетельством.

Вместе с тем необходимо отметить, что многие работы относительно кодификации гражданского права в современном Китае носят описательный характер и не изобилуют прогнозами и оценками. С одной стороны, это объясняется академической осторожностью и небольшим промежуток времени, прошедшим с момента принятия ГК КНР и вступления его в силу. Но даже в этих условиях при нашем беглом анализе англоязычных работ прогнозы немногочисленных смельчаков оказались весьма точными. Исключение составили, как справедливо отмечает А.П. Алексеенко, лишь право интеллектуальной собственности и международное частное право, однако в этом отчасти проявляется китайская ментальность. Высока вероятность того, что намеренно

или случайно оставленные законодательные лакуны в ближайшее время всё же будут заполнены.

Внутри китайского научного и околонаучного сообщества также нет единого мнения относительно будущего ГК КНР и гражданских правоотношений при его регулировании: слишком они разнообразны, слишком специфичны. Специфичность эта уже проявлялась в истории XX в., когда первый Гражданский кодекс этой страны 1929–1931 гг. так и не сумел в полной мере реализовать свой потенциал, однако это получилось сделать в пределах Тайваня после провозглашения КНР и преємства Тайбэем как политического, так и правового наследия Китайской Республики. Однако судить об эффективности Гражданского кодекса Китайской Республики на Тайване, где этот акт действует по сей день, пусть и со значительными дополнениями и изменениями (последние в январе 2021 г. коснулись обязательств, семейных и некоторых других правоотношений), можно очень аккуратно, причем лишь ознакомившись с правоприменительной практикой Тайваня [*Chang Yun-Chien*, 2016] и теми условиями, в которых развивается тайваньская государственность.

С другой стороны, еще полтора десятилетия лет назад многие эксперты не верили в скорейшее приятие этого нормативного правового акта, поскольку, помимо изменения внутривнутриполитической конфигурации, данный шаг признавал на законодательном уровне наличие в Китае рыночной экономики.

При подобном раскладе страна существенно теряет в остатках идеологического влияния на своего соседа – КНДР, руководство которой периодически дает понять, что остается все меньше социалистических принципов, разделяемых этими двумя государствами. Что касается возможности Китая влиять на региональные государства посредством

тех или иных правовых институтов, то вероятность этого также совсем невелика: Япония, Южная Корея и отчасти Монголия с Вьетнамом уверенно взяли курс на выстраивание собственных правовых порядков, в некоторой степени – с заимствованием правовых конструкций из семьи континентального, частично – из семьи общего права. Правовые системы этих стран, законодательство, судебная система и другие составляющие развиваются стабильно и не испытывают потребности в новациях, тем более в частно-правовой сфере, как, в общем, и страны Центральной и Северной Африки, с которыми у КНР наиболее тесные экономические связи.

Исходя из всего этого, приходится констатировать, что если в конце XIX – первой половине XX в. странам Восточной Азии посредством модернизации своих государственных и правовых систем, восприятия европейских моделей и, в ряде случаев, механизмов и нормативного материала своих соседей удалось сформировать децентрализованный региональный правовой порядок, то современные условия к этому не располагают. В то же время для Китая только экономический и военный потенциал, без подкрепления эффективными правовыми институтами, не может служить уверенной гарантией успеха и залогом влияния на региональные и мировые процессы, поэтому нам и остается вести речь лишь о контурах регионального правового порядка, а удастся ли их соединить в единое целое как в формате идеи, так и в практическом преломлении, покажет время.

Список литературы

Алексеев А.П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 12. – С. 199–211.

Василенко В.А. Основы теории международного права. – Киев : Головное издательство издательского объединения «Вища школа», 1988. – 288 с.

Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Харбин : Оттиск из «Вестника Китайского Права». – 1932. – № 3. – 53 с.

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А.Р. Зайнигабдинова, П.В. Трошинского. – Москва : Синосфера, 2020. – 448 с.

Гудошников Л.М., Пашенко Е.Г. Первая систематизация гражданского права КНР // Советское государство и право. – 1988. – № 2. – С. 89–94.

Дудин П.Н. Первая кодификация китайского гражданского законодательства (к 100-летию со дня основания русского Юридического факультета г. Харбина) // *Eurasia: Statum et Legem*. – 2020. – № 13. – С. 6–12.

Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельные участки / Автореферат диссертации ... докт. юрид. наук – Москва : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2010. – 60 с.

Ербахаев Е.А. Новые Основные положения гражданского права Китайской Народной Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 390–403. – DOI: 10.21638/spbu14.2019.213.

Ербахаев Е.А. Вступительное слово к Гражданскому кодексу Китайской Народной Республики // *Eurasia: Statum et Legem* (Евразия: Государство и право). – 2020. – № 13. – С. 35–37.

Китайская Народная Республика: Законодательные акты. 1984–1988 / Под ред. В.А. Туманова, К.А. Егорова, Л.М. Гудошниковой. – Москва : Прогресс, 1989. – 504 с.

КНР. Конституция и законодательные акты : Пер. с кит. – Москва : Прогресс, 1984. – 470 с.

Кузнецов В.Г. Социалистический правопорядок и правовая основа государственной и общественной жизни развитого социализма / Государство, право и правопорядок развитого социализма: межвузовский научный сборник. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1980. – С. 88–94.

Лабин Д.К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка / Автореферат диссертации ... докт. юрид. наук. – Москва : Институт государства и права Российской академии наук, 2005. – 36 с.

Лазарев М.И. Теоретические вопросы современного международного морского права. – Москва : Издательство «Наука», 1983. – 302 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – Выпуск 5. – С. 141–152. – DOI: 10.31857/S086919080016633-3.

Лю Цзюнь Пин. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике / Диссертация ... канд. юрид. наук. – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 2011. – 148 с.

Пашенко Е.Г. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений и хозяйственный арбитраж в КНР периода реформы экономической системы / Диссертация ... докт. юрид. наук. – Москва, 1994. – 360 с.

Пашенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. Москва : Спарк, 1997. – 188 с.

Покотилов Д.Д. Корея и японо-китайское столкновение. С картой Кореи. – Санкт-Петербург : Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. – VIII, 68 с.

Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательством на советский правопорядок // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 182. Труды по

правоведению V. – Тарту : Издательство Тартуского государственного университета, 1966. – 316 с.

Свод законов «Тайхорё», 702–718 гг. : в 2-х томах (I–XV и XVI–XXX законы). – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 369 с. (т. 1), 267 с. (т. 2).

Суханов Е.А. О системе гражданского (частного) права / Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы: Liber Amicorum в честь 70-летия А.С. Комарова. – Москва : Статут, 2019. – С. 537–545.

Трофимов Я.В. Понятие вины и ее значение как одного из условий гражданско-правовой ответственности в законодательстве России и Китайской Народной Республики (сравнительный анализ) / Диссертация ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Волгоград, 2006. – 170 с.

Трощинский П.В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021а. – Т. 17, № 2. – С. 56–68. – DOI: 10.12737/jflcl.2021.017.

Трощинский П.В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. – 2021b. – № 3. – С. 101–113. – DOI: 10.31857/S013128120015298-8.

Трощинский П.В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. – 2021с. – № 4. – С. 123–133. – DOI: 10.31857/S013128120016099-9.

Трощинский П.В. Право Китая в трудах российской науки (с перечнем действующих законов КНР). – Москва : Издательский дом ВКН, 2020. – 96 с.

Трощинский П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих

законов КНР). – Москва : Издательский дом ВКН, 2018. – 184 с.

Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюяни 1–8 : Пер. с кит. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. – 384 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – Москва : Издательство Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

Хиршлер М., Циммерман Б. Западно-европейские интеграционные объединения: право. – Москва : Прогресс, 1987. – 366, [2] с.

Цзоуяньшу (Сборник судебных запросов): палеографические документы древнего Китая. – Москва : Восточная литература, 2013. – 215 с.

Юмашев Ю.М. Международно-правовые формы внешнеэкономических связей ЕЭС. – Москва : Наука, 1989. – 256 с.

Alford W.P. East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions by Cheng Yuan // The International Lawyer. – 1992. – Vol. 26, N 4. – P. 1136–1138.

Ayalew D.T. The Recent Codification of the Chinese Civil Code (CCC) as 'A Generation of High-Tech Era' Civil Code: History, Innovations, and Key Lessons for Ethiopian 'Old Generation' Civil Code // SSRN Electronic Journal. – 2020. – August 25. – P. 1–30. – DOI: 10.2139/ssrn.3714889.

Basic Principles of Civil Law in China / Ed. by W.C. Jones. – Armonk (NY) : M. E. Sharpe Publ., 1989. – 378 p.

Brügge-meier G. Modernising Civil Liability Law in Europe, China, Brazil and Russia. – Cambridge : Cambridge University Press Publ., 2011. – 298 p.

Bui Son Ngoc. The Law of China and Vietnam in Comparative Law // Fordham International Law Journal. – 2017. – Vol. 41, N 1. – P. 134–206. – DOI: 10.2139/ssrn.3079385.

Chang Yun-Chien. The Evolution of Property Law in Taiwan. An Unconventional Interest Group Story // *Private Law in China and Taiwan Legal and Economic Analyses* / Ed. by Yun-Chien Chang, Wei Shen, Wen-Yeu Wang. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 212–244. – DOI: 10.1017/9781316658925.009.

Cheng Yuan. East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions. – Dobbs Ferry (NY) : Oceana Publications, Inc., 1991. – Xxvi, 357 p.

Chinese Civil Law / Ed. by Yuanshi Bu. – S. l. : C.H. Beck – Hart – Nomos Publ., 2013. – 301 p.

Chinese Contract Law: Civil and Common Law Perspectives / Ed. by DiMatteo L., Lei Chen. – Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2017. – 540 p. – DOI: 10.1017/9781316816912.

Codification in East Asia Selected Papers from the 2nd IACL Thematic Conference / Ed. by Wang Wen-Yeu. – London : Springer Publ., 2014. – 262 p.

Conk G.W. People's Republic of China Civil Code: Tort Liability Law // *Private Law Review*. – 2005. – Vol. 5, N 2. – P. 77–111.

Gillespie J., Chen A.H.Y. Comparing legal development in China and Vietnam: an introduction // *Legal Reforms in China and Vietnam. A Comparison of Asian Communist Regimes* / Ed. by J. Gillespie, A.H.Y. Chen. – London : Routledge, 2011. – P. 1–26.

Heuser R. Foreign Trade Contracts Between West German Companies and the People's Republic of China: A Case-Study // *Occasional Papers / Reprints Series in Contemporary Asian Studies* Publ. – 1977. – N 7. – 22 p.

Jin Jigang, Li Xiang. Concise Chinese Tort Laws. – Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag Berlin and Heidelberg GmbH & Co. Kg Publ., 2014. – 237 p.

Jones W.C. A Translation of the Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's

Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1984a. – Vol. 10, N. 1. – P. 193–193. – DOI: 10.1163/187529884X00206.

Jones W.C. Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1984b. – Vol. 10, N 1. – P. 195–258. – DOI: 10.1163/187529884X00224.

Jones W.C. Collection of Civil Law Cases From the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1984c. – Vol. 10, N 1. – P. 169–192. – DOI: 10.1163/187529884X00189.

Jones W.C. A Translation of the General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1987a. – Vol. 13, N 1. – P. 357–360. – DOI: 10.1163/187529887X00212.

Jones W.C. General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1987b. – Vol. 13, N 1. – P. 362–386. – DOI: 10.1163/187529887X00221.

Jones W.C. Jerome A. Cohen, R. Randle Edwards, Fu-mei Chang Chen, eds., *Essays on China's Legal Tradition*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. vi, 440 pp. \$30.00 // *The American Journal of Legal History*. – 1982. – Vol. 26, N 4. – P. 398–399.

Jones W.C. East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions. by Cheng Yuan; *The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC*. by Pitman B. Potter // *The Australian Journal of Chinese Affairs*. – 1993. – N 30. – P. 189–191.

Karlsson A. Law and the Body in Joseon Korea: Statecraft and the Negotiation of Ideology // *The Review of Korean Studies*. – 2013. – Vol. 16, N 1. – P. 7–45.

Kelsen H. *Principles of International Law*. – New York : Rinehart & Co Publ., 1952. – Xvii, 461 p.

Law and economics with Chinese characteristics: institutions for promoting

development in the twenty-first century / Ed. by D. Kennedy, J.E. Stiglitz. – Oxford : Oxford University Press Publ., 2013. – 652 p.

Lei Chen, Rhee C.H. van. Towards a Chinese civil code: comparative and historical perspectives. – Leiden ; Boston: Martinus Nijhoff Publ., 2012. – Xiii, 562 p.

Lei Chen. The New Chinese Property Code: A Giant Step Forward? // *Electronic Journal of Comparative Law*. – 2007. – Vol. 11, N 2. – P. 1–24.

Lei Chen. The historical development of the Civil Law tradition in China: a private law perspective, *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit // The Legal History Review*. – 2010a. – Vol. 78, N 1-2. – P. 159–181. – DOI: 10.1163/157181910X487350.

Lei Chen. Private Property with Chinese Characteristics: A Critical Analysis of the Chinese Law on Property of 2007 // *European Review of Private Law*. – 2010b. – Vol. 18, No. 5. – P. 983–1004.

Liang Huixing. Some opinions and suggestions on the draft of real property law // *Front. Law China*. – 2007. – Vol. 2, N 2. – P. 198–223. – DOI: 10.1007/s11463-007-0010-4.

Lobingier Ch.S. The Civil Code of the Republic of China. Book I – General Principles. Translated in to English by Ching-Lia Hsia and James L.E. Chow. 1929. pp. iv, 57 // *The American Journal of International Law*. – 1930. – Vol. 24, N 4. – P. 826–828.

Miao Chungang. Family Dispute Resolution from the Perspective of Comparative Law // *Asian Social Science*. – 2018. – Vol. 14, N 8. – P. 153–157.

Mo Zhang. Chinese Contract Law: theory and practice. – Leiden : Brill Academic Publ., 2006. – 372 p.

Philastre P.L.F. Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois ; de nom-

breuses annotations extraites des commentaires du Code chinois : en 2 vol. – Paris: Leroux Publ., 1909. – 792 (vol. 1), 778 p. (vol. 2).

Potter P.B. The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC. – Seattle ; London : University of Washington Press Publ., 1992. – 246 p.

Scelle G. Cours de droit international public. – Paris : Domat-Montchrestien Publ., 1948. – 413 p.

Szpotakowski I. The New Chinese Civil Code and Its Contribution to Sustainable Development // *Transformacje Prawa Prywatnego*. – 2020. – N 3. – P. 233–246.

The Civil Code of the Republic of China / Hsia Ching-Lin, Chou J.L.E., Yukon Chang, Ping-sheung Foo. – Shanghai : Kelly & Walsh Publ., 1930. – Xxviii, 293 p.

Tu Guangjian. Private international law in China. – Singapore : Springer Publ., 2016. – Xi, 192 p.

Wang Kui-Hua, Mendelson D. An overview of liability and compensation for personal injury in China under the general principles of civil law // *Torts law journal*. – 1996. – Vol. 4, N 2. – P. 1–36.

Wigmore J.H. A Panorama of the World's Legal Systems. – Saint Paul : West Publishing Company, 1928. – 1206 p. (vol. I–III).

Yi Jiming. A Historical Perspective on the Unification of Private Law and the Future of the Civil Code // *Social Sciences in China*. – 2015. – Vol. 36, N 3. – P. 73–88. – DOI: 10.1080/02529203.2015.1029669.

Yu Danling. Chinese Business Law. – Singapore : Springer-Verlag Publ., 2019. – Xii, 282 p.

Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang. The Contribution of China's Civil Law to Sustainable Development: Progress and Prospects // *Sustainability*. – 2019. – Vol. 11, N 1. – P. 1–19. – DOI: 10.3390/su11010294.

Zhang Lihong. The latest developments in the codification of Chinese Civil Law // *Revista Chilena de Derecho*. – 2009. – Vol. 36, N 3. – P. 467–503. – DOI: 10.4067/S0718-34372009000300002.

Zhang Xiaoyang. Chinese civil law for business. – Hong Kong : Open University of Hong Kong Press Publ., 2013. – 333 p.

Zhang Xinbao. Legislation of Tort Liability Law in China. – Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd. Publ., 2018a. – Xxvi, 538 p. – DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1.

Zhang Xinbao. On Several Technical Problems Concerning Enactment of Civil Code / Legislation of Tort Liability Law in China. – Singapore : Springer Publ.,

2018b. – P. 149–157. – DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1_4.

Zhu Wang. On the Constitutionality of Compiling a Civil Code of China. A Process Map for Legislation Born out of Pragmatism. – Singapore : Springer Publ., 2020. – Xxv, 340 p. – DOI: 10.1007/978-981-13-7900-0.

Zwierzchowski J. Normatywny wyraz tzw. zielonej zasady w Kodeksie cywilnym Chińskiej Republiki Ludowej z 2020 r. i jej znaczenie dla prawa prywatnego (Normative expression of Green Principle under People's Republic of China 2020 Civil Code and its significance for private law) / *Praca magisterska*. – Katowice : Wydział Prawa i Administracji w Katowicach, Uniwersytet Śląski, 2020. – 48 s.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Codification of Civil Law in China: Contours of the Regional Legal Order

Pavel N. DUDIN

DSc in Historical, Associate Professor, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries

East Siberian State University of Technology and Management,

Postal address: 670013, Klyuchevskaya str., 40B, building 1,

Russian Federation, Republic of Buryatia, Ulan-Ude

E-mail: dudin2pavel@gmail.com

ORCHID: 0000-0002-9407-8436

CITATION: Dudin P.N. (2022). Codification of Civil Law in China: Contours of the Regional Legal Order. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 253–281 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Received: 25.12.2021.

Revised: 15.02.2022.

ABSTRACT. *In the article, the author made an attempt to look at the Civil Code of the PRC from the standpoint of an interdisciplinary approach. For this purpose, the work is divided into three parts, the first of which provides an overview of the English-language scientific literature, reflecting both the general state of the civil law of the PRC, the course of its latest codification and the legislative result. The second part is devoted to the substantive pitting of the Civil Code and focuses on the most significant legislative innovations. So, first of all, the author focuses on the fact that this is the second systematization of civil law in this country, making an excursion into the history of the adoption and study by Western scientists of the Civil Code of the Republic of China in 1929–1931, which is now in force in Taiwan. Further, the desire of the modern legislator to get rid of the so-called "Soviet legacy" and, by borrowing the best normative practices of the countries of the*

continental law family, not to lose its own specifics and make the new normative legal act as practical, modern and effective as possible is noted. A forecast of the impact on the economic sphere, as well as the development of science in the public spheres regulated by the Code, is given. The importance of strengthening the so-called "green principle" and China's claim to the status of a country with a high level of environmental responsibility is emphasized. The third part examines the historical experience of constructing a regional legal order in East Asia at the turn of the 19th–20th centuries, when first Japan, and then the Qing Empire, began to introduce the European, mainly French and German, normative material against the background of the modernization of their state system. In conclusion, emphasizing the importance and significance of the Civil Code for the country and its enforcement, the author expresses doubts about the ability of the PRC

in modern conditions to form an updated regional legal order, without which the influence of this country on many international and global processes will be incomplete.

KEYWORDS: *civil code, civil law, civil legal relations, codification, China, regional legal order, legal system, legal institutions, “export of law”, legal novations.*

References

- Alekseenko A.P. (2021). Characteristic features of the Civil Code of the PRC. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, vol. 16, no. 12, pp. 199–211. (in Russian).
- Alford W.P. (1992). East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions by Cheng Yuan. *The International Lawyer*, vol. 26, no. 4, pp. 1136–1138.
- Ayalew D.T. (2020). *The Recent Codification of the Chinese Civil Code (CCC) as 'A Generation of High-Tech Era' Civil Code: History, Innovations, and Key Lessons for Ethiopian 'Old Generation' Civil Code*. SSRN Electronic Journal, August 25, pp. 1–30. DOI: 10.2139/ssrn.3714889.
- Basic Principles of Civil Law in China* (1989). W.C. Jones (ed.), Armonk (NY): M. E. Sharpe Publ., 378 pp.
- Brüggemeier G. (2011). *Modernising Civil Liability Law in Europe, China, Brazil and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 298 pp.
- Bui Son Ngoc. (2017). The Law of China and Vietnam in Comparative Law. *Fordham International Law Journal*, vol. 41, no. 1, pp. 134–206. DOI: 10.2139/ssrn.3079385.
- Chang Yun-Chien. (2016). The Evolution of Property Law in Taiwan. An Unconventional Interest Group Story. In: *Private Law in China and Taiwan Legal and Economic Analyses*. Yun-Chien Chang, Wei Shen, Wen-Yeu Wang (eds.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 212–244. DOI: 10.1017/9781316658925.009.
- Cheng Yuan. (1991). *East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions*. Dobbs Ferry (NY): Oceana Publications, Inc., xxvi + 357 pp.
- Chinese Civil Law* (2013) Yuanshi Bu (ed.). S. I.: C.H. Beck – Hart – Nomos Publ., 301 pp.
- Chinese Contract Law: Civil and Common Law Perspectives* (2017). DiMatteo L., Lei Chen (eds.). Cambridge: Cambridge University Press Publ., 540 pp., DOI: 10.1017/9781316816912.
- Codification in East Asia Selected Papers from the 2nd IACL Thematic Conference* (2014). Wang Wen-Yeu (ed.). London: Springer Publ., 262 pp.
- Conk G.W. (2005). People's Republic of China Civil Code: Tort Liability Law. *Private Law Review*, vol. 5, no. 2, pp. 77–111.
- Dudin P.N. (2020). The first codification of Chinese civil law (on the occasion of the 100th anniversary of the founding of the Russian Faculty of Law in Harbin). *Eurasia: Statum et Legem*, no. 13, pp. 6–12. (in Russian).
- Emel'kina I.A. (2010). *The system of limited real rights to land plots: abstract of the diss... of Doctor of Law*, Moscow: Moscow State University, 60 pp. (in Russian).
- Erbakhaev E.A. (2019). New Basic Provisions of Civil Law of the People's Republic of China. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 10, no. 2, pp. 390–403. DOI: 10.21638/spbu14.2019.213. (in Russian).
- Gillespie J., Chen A.H.Y. (2011). Comparing legal development in China and Vietnam: an introduction. In: *Legal Reforms in China and Vietnam. A Comparison of Asian Communist Regimes*, J. Gillespie, A.H.Y. Chen (eds.). London: Routledge, pp. 1–26.
- Gins G.K. (1932). Mongolian statehood and law in their historical development. Harbin: Reprint from the “*Vestnik Kitaiskogo Prava*”, no. 3, 53 pp. (in Russian).

Grazhdanskii kodeks... (2020). *Civil Code of the People's Republic of China* / Zaynigabdinov A.R., Troshchinskiy P.V. (eds.). Moscow: Sinosfera, 448 pp. (in Russian).

Gudoshnikov L.M., Pashchenko E.G. (1988). The first systematization of the civil law of the PRC. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 89–94. (in Russian).

Heuser R. (1997). *Foreign Trade Contracts Between West German Companies and the People's Republic of China: A Case-Study*. Occasional Papers / Reprints Series in Contemporary Asian Studies Publ, no. 7, 22 pp.

Huntington S. (2004). *Political order in changing societies*. Moscow: Izdatel'stvo Progress-Traditsiya, 480 pp. (in Russian).

Jin Jigang, Li Xiang. (2014). *Concise Chinese Tort Laws*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag Berlin and Heidelberg GmbH & Co. Kg Publ., 237 pp.

Jones W.C. (1982). Jerome A. Cohen, R. Randle Edwards, Fu-mei Chang Chen, eds. *Essays on China's Legal Tradition*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. vi, 440 pp. \$30.00. *The American Journal of Legal History*, vol. 26, no. 4, pp. 398–399.

Jones W.C. (1984a). A Translation of the Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 10, no. 1, pp. 193–193. DOI: 10.1163/187529884X00206.

Jones W.C. (1984b). Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 10, no. 1, pp. 195–258. DOI: 10.1163/187529884X00224.

Jones W.C. (1984c). Collection of Civil Law Cases From the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 10, no. 1, pp. 169–192. DOI: 10.1163/187529884X00189.

Jones W.C. (1987a). A Translation of the General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China. *Review of*

Socialist Law, vol. 13, no. 1, pp. 357–360. DOI: 10.1163/187529887X00212.

Jones W.C. (1987b). General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 13, no. 1, pp. 362–386. DOI: 10.1163/187529887X00221.

Jones W.C. (1993). East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions. by Cheng Yuan; The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC. by Pitman B. Potter. *The Australian Journal of Chinese Affairs*, no. 30, pp. 189–191.

Karlsson A. (2013). Law and the Body in Joseon Korea: Statecraft and the Negotiation of Ideology. *The Review of Korean Studies*, vol. 16, no. 1, pp. 7–45.

Kelsen H. (1952). *Principles of International Law*. New York: Rinehart & Co Publ., 1952, xvii + 461 pp.

Khirschler M., Tsimmerman B. (1987). *Western European integration associations: law*. Moscow: Progress, 366 + [2] pp. (in Russian).

Kitaiskaya Narodnaya Respublika... (1989). *People's Republic of China: Legislative Acts. 1984–1988. Translation from Chinese*, Tumanov V.A., Egorov K.A., Gudoshnikov L.M. (eds.). Moscow: Progress, 504 pp. (in Russian).

KNR... (1984). *PRC. Constitution and statutes*. (translation from Chinese), Moscow: Progress, 470 pp. (in Russian).

Kuznetsov V.G. (1980). Socialist law and order and the legal basis of the state and social life of developed socialism. *State, law and order of developed socialism: interuniversity scientific collection*, Saratov: Saratov University Press, pp. 88–94. (in Russian).

Labin D.K. (2005). *International legal support of the world economic order: abstract of the diss... of Doctor of Law*, Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 36 pp. (in Russian).

Law and economics with Chinese characteristics: institutions for promoting development in the twenty-first century (2013). D. Kennedy, J.E. Stiglitz (eds.). Oxford: Oxford University Press Publ., 652 pp.

Lazarev M.I. (1983). *Theoretical issues of modern international maritime law*, Moscow: "Nauka", 302 pp. (in Russian).

Lei Chen, Rhee C.H. van. (2012). *Towards a Chinese civil code: comparative and historical perspective*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publ., xiii + 562 pp.

Lei Chen. (2007). The New Chinese Property Code: A Giant Step Forward? *Electronic Journal of Comparative Law*, vol. 11, no. 2, pp. 1–24.

Lei Chen. (2010a). The historical development of the Civil Law tradition in China: a private law perspective, *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit. The Legal History Review*, vol. 78, no. 1-2, pp. 159–181. DOI: 10.1163/157181910X487350.

Lei Chen. (2010b). Private Property with Chinese Characteristics: A Critical Analysis of the Chinese Law on Property of 2007. *European Review of Private Law*, vol. 18, no. 5, pp. 983–1004.

Liang Huixing. (2007). Some opinions and suggestions on the draft of real property law. *Front. Law China*, vol. 2, no. 2, pp. 198–223. DOI: 10.1007/s11463-007-0010-4.

Lobingier Ch.S. (1930). The Civil Code of the Republic of China. Book I – General Principles. Translated in to English by Ching-Lia Hsia and James L.E. Chow. 1929. pp. iv + 57. *The American Journal of International Law*, vol. 24, no. 4, pp. 826–828.

Luzyanin S.G. (2021). Russia – Mongolia – China: historical and modern transformations. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, vol. 5, pp. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3. (in Russian).

Lyu Tszyun' Pin. (2011). *Codification of civil legislation in the People's Republic of China*. Diss... Candidate in law: 12.00.03, Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 148 pp. (in Russian).

Miao Chungang. (2018). Family Dispute Resolution from the Perspective of Comparative Law. *Asian Social Science*, vol. 14, no. 8, pp. 153–157.

Mo Zhang. Chinese Contract Law: theory and practice, Leiden: Brill Academic Publ., 2006, 372 pp.

Pashchenko E.G. (1994). *Civil law regulation of economic relations and economic arbitration in the PRC during the period of economic system reform*. Diss. ... Doctor in law: 12.00.03, Moscow, 360 pp. (in Russian).

Pashchenko E.G. (1997). *Economic reform in the PRC and Civil Law*. Moscow: Spark, 188 pp. (in Russian).

Philastre P.L.F. (1909). *Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois: en 2 vol.* Paris: Leroux Publ., 792 (vol. 1) + 778 (vol. 2) pp.

Pokotilov D.D. (1895). *Korea and the Sino-Japanese Clash. With a map of Korea*. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, viii + 68 pp. (in Russian).

Potter P.B. (1992). *The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC*. Seattle; London: University of Washington Press Publ., 246 pp.

Rebane I.A. (1966). *Add To Selected Persuasion and coercion in the fight against encroachment on the Soviet legal order*. Scientific Notes of Tartu State University, vol. 182, Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta Publ, 316 pp. (in Russian).

Scelle G. (1948). *Cours de droit international public*. Paris: Domat-Montchrestien Publ., 413 pp.

Sukhanov E.A. (2019). *About the system of civil (private) law. Arbitration and regulation of international commercial turnover: Russian, foreign and cross-border approaches: Liber Amicorum in honor of the 70th anniversary of A.S. Komarov*. Moscow: Statut, pp. 537-545. (in Russian).

Svod... (1985). *"Taikhoryo" Code of Laws 702-718, Laws I-XV and XVI-XXX*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka" Publ, 369 (vol. 1) + 267 (vol. 2) pp. (in Russian).

Szpotakowski I. (2020). The New Chinese Civil Code and Its Contribution to Sustainable Development. *Transformacje Prawa Prywatnego*, no. 3, pp. 233-246.

The Civil Code of the Republic of China (1930). Shanghai: Kelly & Walsh Publ., xxviii + 293 pp.

Trofimov Ya.V. (2006). *The concept of guilt and its meaning as one of the conditions of civil liability in the legislation of Russia and the People's Republic of China (comparative analysis)*. Diss. ... Candidate in Law: 12.00.03, Volgograd, 170 pp. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2018). *Evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949-2018): historical and legal aspect (with a list of the current laws of the PRC)*. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN, 184 pp. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2020). *The law of China in the works of Russian science (with a list of the current laws of the PRC)*. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN, 96 pp. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2021a). Codification of Chinese Civil Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, vol. 17, no. 2, pp. 56-68. DOI: 10.12737/jflcl.2021.017. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2021b). The First Civil Code of New China: Questions of Theory and Practice. *Problemy Dal'nego*

Vostoka, no. 3, pp. 101-113. DOI: 10.31857/S013128120015298-8. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2021c). The First Civil Code of New China: Questions of Theory and Practice. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4, pp. 123-133. DOI: 10.31857/S013128120016099-9. (in Russian).

Tszouyan'shu... (2013). *Zouyanshu (Collection of judicial requests): paleographic documents of ancient China*. Moscow: Vostochnaya literature, 215 pp. (in Russian).

Tu Guangjian. (2016). *Private international law in China*. Singapore: Springer Publ., xi + 192 pp.

Ugolovnye... (1999). *Tang penal regulations with clarifications ("Tang lu shu yi")*. Juan 1-8 (translation from Chinese). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 384 pp. (in Russian).

Vasilenko V.A. (1988). *Fundamentals of the theory of international law*. Kiev: Golovnoe izdatel'stvo izdatel'skogo ob'edineniya «Vishcha shkola», 288 pp. (in Russian).

Wang Kui-Hua, Mendelson D. (1996). An overview of liability and compensation for personal injury in China under the general principles of civil law. *Torts law journal*, vol. 4, no. 2, pp. 1-36.

Wigmore J.H. (1928). *A Panorama of the World's Legal Systems*. Saint Paul: West Publishing Company, 1206 p. (vol. I-III).

Yi Jiming. (2015). A Historical Perspective on the Unification of Private Law and the Future of the Civil Code. *Social Sciences in China*, vol. 36, no. 3, pp. 73-88. DOI: 10.1080/02529203.2015.1029669.

Yu Danling. (2019). *Chinese Business Law*. Singapore: Springer-Verlag Publ., xii + 282 pp.

Yumashev Yu.M. (1989). *International legal forms of foreign economic relations of the EEC*. Moscow: Nauka, 256 pp. (in Russian).

Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang. (2019). The Contribution of China's Civil Law to Sustainable Development: Progress and Prospects. *Sustainability*, vol. 11, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.3390/sul1010294.

Zhang Lihong. (2009). The latest developments in the codification of Chinese Civil Law. *Revista Chilena de Derecho*, vol. 36, no. 3, pp. 467–503. DOI: 10.4067/S0718-34372009000300002.

Zhang Xiaoyang. (2013). *Chinese civil law for business*. Hong Kong: Open University of Hong Kong Press Publ., 333 pp.

Zhang Xinbao. (2018a). *Legislation of Tort Liability Law in China*. Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd. Publ., xxvi + 538 pp. DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1.

Zhang Xinbao. (2018b). *On Several Technical Problems Concerning Enactment of Civil Code*. Legislation of Tort Liability

Law in China. Singapore: Springer Publ., pp. 149–157. DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1_4.

Zhu Wang. (2020). *On the Constitutionality of Compiling a Civil Code of China. A Process Map for Legislation Born out of Pragmatism*. Singapore: Springer Publ., xxv + 340 pp. DOI: 10.1007/978-981-13-7900-0.

Zwierzchowski J. (2020). *Normatywny wyraz tzw. zielonej zasady w Kodeksie cywilnym Chińskiej Republiki Ludowej z 2020 r. i jej znaczenie dla prawa prywatnego* (Normative expression of Green Principle under People's Republic of China 2020 Civil Code and its significance for private law). Praca magisterska, Katowice: Wydział Prawa i Administracji w Katowicach, Uniwersytet Śląski, 48 s.

Yerbakhaev E.A. (2020). Introductory remarks to the Civil Code of the People's Republic of China. *Eurasia: Statum et Legem*, no. 13, pp. 35–37. (in Russian).